

Митрополит Иларион: Любое строительство начинается с фундамента

Председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы международного общественно-политического журнала «Янтарный мост» (№1 (9), 2013).

– Ваше Высокопреосвященство, Ваша должность в Патриархии нередко именуется нецерковными людьми как "министр иностранных дел". Нет ли здесь некоего недопонимания? Каковы границы компетенции председателя ОВЦС?

– В компетенцию Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата традиционно входит вся сфера внешней церковной деятельности. В первую очередь это сфера межправославных отношений – братских контактов с автокефальными (независимыми) Поместными Православными Церквями, которых сегодня – помимо Русской – насчитывается 14. Должен с удовлетворением отметить, что в последние годы контакты между Поместными Православными Церквями активизировались и сегодня на повестке дня – созыв Всеправославного Собора, подготовка которого вызывает немало вопросов. Наша задача заключается в том, чтобы обеспечить строгое соблюдение принципа консенсуса на Соборе, дабы интересы всех Церквей были соблюдены и Собор не стал новым источником разделений.

Второе направление работы Отдела – это межхристианские отношения, то есть диалог с другими христианскими конфессиями – с древними Восточными Церквями (такими, например, как Армянская, Коптская, Эфиопская), с католиками, англиканами, протестантами. К огромному сожалению, за века раздельного существования между многими из этих конфессий и Православной Церковью сформировались серьезные расхождения как по богословским вопросам, так и по отношению к вызовам современного светского мира. Наша Церковь никогда не стремилась и не стремится к некоему объединению с инославными ценой компромиссов в вопросах веры – напротив, мы используем межхристианский диалог как возможность свидетельствовать об истине Православия. В то же время мы ищем с нашими инославными братьями общие точки соприкосновения в таких вопросах, как мораль, как общее свидетельство христиан о своем уповании перед лицом набирающего силы секуляризма. И здесь оказывается, что у нас гораздо больше общего с представителями общин, сохранивших связь с древней церковной традицией, чем с либеральными конфессиями.

В последнее время очень расширилась еще одна сфера ответственности Отдела — это работа с соотечественниками, проживающими за рубежом. Здесь речь идет об организации различных

конгрессов, симпозиумов и о взаимодействии на самых разных уровнях с нашими соотечественниками, рассеянными по всему миру.

Отдел также уделяет все большее внимание теме преследования христиан в разных странах мира и межрелигиозному диалогу, который в этой ситуации приобретает особую актуальность.

– Вы приняли монашеский постриг и начали пастырское служение в Литве. Как повлияла эта страна и ее люди на молодого священника?

О годах, проведенных в Литве, я вспоминаю с большой теплотой. Это был и первый мой опыт монашеской жизни, и первый опыт предстояния Престолу Божию, и первый пастырский опыт. Я прослужил там почти пять лет. Полтора года — монахом Свято-Духова монастыря в Вильнюсе. Затем был назначен на приходское служение в деревню, где на богослужение в воскресенье собиралось человек десять, на Пасху – тридцать. На Крещение я объезжал на телеге или попутных машинах окрестные деревни и окроплял святой водой дома верующих. Посещал людей, многие из которых жили в жуткой нищете.

В 1990–1991 годах я служил в Каунасе. Это было время распада СССР. Литовцы провозгласили государственную независимость и заявили о готовности ее отстаивать. По приказу М.С. Горбачева в Вильнюс были введены войска, которые заняли телецентр. При этом были жертвы среди местного населения. Меня просили выступить по остававшемуся еще не захваченным каунасскому телевидению, и я согласился. У меня тогда не было мыслей ни о каких политических интересах, самым важным было удержать от кровопролития одних людей и спасти жизни других. По телевидению я призвал солдат не стрелять в безоружных людей, если они получают такой приказ. Слава Богу, дальнейшего кровопролития удалось избежать.

Это было очень интересное время — время постепенного появления свобод, в том числе для религиозной жизни и проповеди. В Каунасе одним из первых моих миссионерских шагов было посещение ближайшей русской школы, где я предложил проводить уроки с детьми. Поначалу школьную администрацию это напугало. Мне сказали, что в советской школе никогда такого не было, что это невозможно. Но однажды директриса пришла в церковь крестить свою внучку. И я предложил ей «сделку»: я крещу Вашу внучку, а Вы мне позволяете провести хотя бы один урок в одном из классов школы. На том и сошлись. Я провел один урок, потом другой, потом стали обращаться из других классов. В итоге я стал проводить занятия во всех десяти классах школы. То есть, помимо священнической рабочей недели, у меня была еще рабочая неделя преподавателя школы. Потом стали поступать предложения и из других школ. Очень быстро я понял, что один с этим не справлюсь. Тогда начал у себя на приходе готовить преподавателей Закона Божия, которые вслед за мной пошли в школы. Очень интересное было время. Сегодня я вспоминаю о нем

с большой теплотой, а в Литву приезжаю как к себе на родину.

– Каково сегодня положение русской общины и Православной Церкви в Литве?

– Православная традиция в Литве насчитывает около 800 лет. В современной Литве православие в основном исповедует русскоязычное население страны, в первую очередь русские, белорусы и украинцы, поэтому оно наиболее представлено в крупных городах страны: Вильнюсе, Клайпеде, Висагинасе. Однако есть и православные литовцы, есть храмы, где православное богослужение совершается на литовском языке. Согласно переписям населения, более 130 тысяч граждан Литвы называют себя православными.

В республике действует Виленская и Литовская епархия, которую ныне возглавляет архиепископ Иннокентий. В 1996 году епархия официально была зарегистрирована как «Православная Церковь в Литве». В состав епархии входят 50 приходов, разделенных на три благочиния. Насколько я знаю, недостатка в священнослужителях епархия не испытывает. Действуют два монастыря – мужской и женский. Воскресные школы собирают православных детей для обучения по выходным, также в некоторых русских школах имеется возможность выбрать для изучения предмет «Религия». Заботой епархии является сохранение и ремонт храмов. На решение этих проблем Церковь получает ежегодную дотацию от государства.

В Литве подавляющее большинство русских, которые здесь проживают, - более двухсот тысяч человек - имеет литовское гражданство. Это единственная прибалтийская республика, где после выхода из состава СССР был принят так называемый «нулевой вариант» Закона о гражданстве: все, кто проживал на территории Литовской ССР, признавались гражданами новой Литовской Республики.

– Во второй половине восьмидесятых гонения на верующих, на Церковь были уже на излете. В Вашу бытность настоятелем Благовещенского кафедрального собора Каунаса ректором тамошней католической семинарии был священник Сигитас Тамкявичус, незадолго до того вернувшийся из лагерей и ссылки. Пожалуйста, расскажите о нем.

– Моя первая встреча с архиепископом Сигитасом Тамкявичюсом состоялась в 1989 году, когда он был назначен ректором Каунасской духовной семинарии. Я в то время был молодым священником. Вспоминаю, я тогда спросил отца Сигитаса, где он был до того, имея в виду, на каком приходе служил или какую ответственную должность занимал. Он ответил: «До того я сидел в тюрьме». В те годы из тюрем и лагерей возвращались узники совести, в том числе священнослужители. Одним из таких священнослужителей и был Тамкявичюс. Его арестовали в 1983 году за религиозное просвещение и подпольную деятельность в защиту прав верующих,

после чего он провел пять лет в пермских и мордовских лагерях.

Сегодня в новых исторических условиях архиепископ Тамкявичюс продолжает бескомпромиссно отстаивать свободу вероисповедания и христианские принципы общественной нравственности в своей стране, он неустанно призывает сильных мира сего в принятии решений слушать голос совести и поступать так, как требует общее благо, а не корыстные интересы. И к его голосу очень многие литовцы прислушиваются всерьез.

– В августе 2012 года состоялся первый в истории визит Предстоятеля Русской Православной Церкви в Польшу. И хотя там проживают около 600 тысяч православных, очевидно, что это была не только пастырская поездка. К сожалению, внимание российской, да и всей европейской общественности оказалось отвлечено от нее другими, гораздо менее значимыми событиями. Каким представляется Вам будущее отношений между народами Польши и России?

– Не могу согласиться, что российская и европейская общественность без внимания отнеслись к поездке Святейшего Патриарха Кирилла в Польшу. Репортажи, посвященные этому событию, вышли во многих крупных средствах массовой информации. В частности, такой популярный телеканал, как "Евроньюс", внимательно следил за ходом первого в истории визита Предстоятеля Русской Православной Церкви на польскую землю. Визит широко обсуждался общественными кругами России, Польши, ряда других государств, и, надо сказать, преимущественно вызвал одобрительные отклики.

На мой взгляд, наметившаяся в последнее время положительная динамика в российско-польских отношениях будет сохраняться. Отрадно, что Русская Православная Церковь внесла свою лепту в сближение между двумя народами. Как известно, в ходе посещения Польши Святейший Патриарх Кирилл и председатель Польской епископской конференции архиепископ Юзеф Михалик выступили с Совместным обращением к народам России и Польши, в котором отражен наш общий христианский подход к двусторонним отношениям. Это историческое обращение стало важным вкладом в нормализацию отношений между Россией и Польшей, имеющих долгую историю вражды, непонимания, военных конфликтов, межконфессиональных споров.

Порой мы слышим вопросы и даже упреки относительно того, что дает двум Церквам право выступать в роли миротворцев, предлагать пути преодоления взаимного недоверия. Ответ лежит на поверхности. И Россия, и Польша – славянские страны, имеющие глубокие христианские корни. Этнически, культурно мы очень близки. А поскольку оба наших народа исповедуют христианство, то и системы мировоззрения у нас близкие. Глубоко убежден, что именно духовное родство является единственно прочной базой для выстраивания конструктивных, открытых отношений

между народами наших государств. Со своей стороны Русская Православная Церковь готова прилагать все усилия для того, чтобы между русскими и поляками царили мир и согласие.

– Одной из острейших проблем современного мира являются гонения на христиан. Каждый день приносит мрачные и трагические новости о «законных» заточениях и бессудных убийствах. На таком фоне благополучие европейского Севера, Балтийского региона не дает оснований для самоуспокоенности. Кажется, что наши общества не хотят слышать о гонениях христиан по всему миру. Хотя на иные новости возмущенные отклики не заставляют ждать. В чем причина такой двусмысленности, двойной морали? В агрессивном секуляризме? В межхристианских нестроениях?

– Причин здесь несколько. В первую очередь, это утрата Европой своей христианской идентичности и агрессивное навязывание обществу секулярных понятий. Это отразилось и на определенных христианских деноминациях, в среде которых происходит размывание представлений о традиционных ценностях. В результате мы сталкиваемся с двойными стандартами: с одной стороны, лоббирование идей крайнего либерализма, с другой – сознательное нежелание слышать об ущемлении прав христиан. Вследствие этого мы имеем целенаправленное искажение или замалчивание в СМИ фактов гонений на христиан.

На примере нынешнего конфликта в Сирии мы видим, как западные СМИ ведут информационную войну, предпочитая сознательно замалчивать проблему преследования и убийств христиан боевиками различных радикальных группировок. В результате десятки тысяч верующих во Христа оказываются в условиях гуманитарной катастрофы, многих убивают самыми жестокими способами, против них не прекращаются акты террора. Обо всем этом на Западе предпочитают не говорить. Но есть и честные журналисты, которые стараются говорить правду, иначе мы совсем ничего не знали бы о судьбе сирийских христиан. В качестве примера хотел бы привести корреспондента канала «Россия-24» Анастасию Попову, которая за свои репортажи из Сирии, в том числе о судьбе местных христиан, получила недавно из рук Президента медаль «За отвагу». Дай Бог, чтобы и на Западе было побольше таких честных и смелых журналистов.

– Осенью 2012 года часть российской общественности была весьма озабочена ситуацией вокруг русско-суданской семьи в Финляндии. При этом наша отечественная повседневность, элементами которой являются детский туберкулез, венерические болезни детей, детская наркомания, беспризорность, к сожалению, не часто становится предметом особого внимания общества. В этой связи как Церковь относится к политико-правовым новациям, которые обычно именуют «ювенальной юстицией»?

– В последнее время тема ювенальной юстиции широко обсуждается в обществе. Церковь не стоит

в стороне от этих дискуссий. К сожалению, вызывает озабоченность, что усиление регулирующей роли государственных органов в отношениях между родителями и детьми может приводить к разрушению института семьи. Есть случаи необоснованного вмешательства в семейную жизнь под предлогом защиты прав детей.

Сторонники ювенальной юстиции подчеркивают, что введение этой системы в отношении несовершеннолетних, преступивших закон, вполне оправданно, поскольку она позволит уйти от репрессивных мер воздействия на детей, вернуть их в нормальное общество; адекватные программы позволят скорректировать поведение «трудного» ребенка лучше, чем закрытые учреждения вроде детских колоний, пребывание в которых накладывает отпечаток на всю дальнейшую жизнь.

Между тем совершенно справедливо говорится о том, что семья не может жить в постоянном страхе: вот придет кто-то и отнимет ребенка, например, из-за того, что уровень жизни семьи якобы не отвечает его потребностям.

– В России с недавних пор имеет широкое хождение выражение «креативный класс» - то есть некая совокупность граждан, качество мыслительной деятельности которых существенно выше, чем у остальных, «некреативных», россиян. К сожалению, не так уж мало людей всерьез воспринимают эту формулу, в том числе по отношению к себе. Иронизируя над нею, нельзя не задаться и вполне серьезным вопросом: какова мера, которой следует поверять способность современного человека строить будущее, своё и страны?

– Такой мерой является ответственность. Строить будущее своей страны, своей семьи может только человек, ощущающий ответственность за это будущее. Прежде всего — перед Богом. Следует помнить слова апостола Павла: «...начальства ли, власти ли, — все Им и для Него» (Кол. 1, 16–17). Святитель Григорий Богослов, обращаясь к представителям современного ему «правлящего класса», писал: «Со Христом начальствуешь ты, со Христом правительствуешь: от Него получил ты меч».

Тот, кто берет на себя ответственность за будущее других, должен иметь дар особой жертвенности и особого самоотвержения. Государственная и политическая деятельность не должна быть для него самоцелью, «питательной средой» для развития гордыни, алчности, иных пороков. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным».

Строительство будущего можно доверить только тому, кто во главу угла ставит общественный

смысл, социальную пользу совершаемого дела, для кого высокие идеалы не являются лишь красивым речевым оборотом, но проявляются даже в самых незначительных, на первый взгляд, вещах, в повседневных «мелочах»: в бытовом поведении, в отношении с ближними, в добросовестности на работе, в соблюдении правил человеческого общежития, не говоря уже о законах государства.

Любое строительство начинается с фундамента. Только безрассудный человек строит дом на песке. Муж же благоразумный строит дом свой на камне (см. Мф. 7, 24–27). Камень же сей — Христос, «и нет ни в ком ином спасения» (Деян. 4, 11).

Будущее можно сравнить с нашим общим домом. От того, что заложено в его основании, зависит счастье каждого человека и всего человечества.

– На прошлую Пасху в российский прокат вышел фильм Павла Лунгина «Дирижер». Его фабула – история гастролей некоего музыкального коллектива в Иерусалиме, где должна состояться премьера оратории «Страсти по Матфею». В основе фильма – Ваша музыка, на которую положено Евангельское повествование о страданиях, смерти и воскресении Иисуса Христа. Какое место занимает музыка в Вашей жизни и Вашем служении?

После принятия монашества я был уверен, что музыкальная страница моей жизни раз и навсегда перевернута. В 20 лет я был настроен очень радикально. Отошел от музыки и думал, что это навсегда. Но «человек предполагает, а Бог располагает». В какой-то момент, видимо, период радикализма миновал, я начал позволять себе понемногу слушать классическую музыку. Хотя активно ею все равно не занимался. Но в 2006 году что-то во мне вдруг поменялось — и я стал писать музыку.

Для меня музыка отражает состояние души и является очень существенным носителем того благовестия, которое несет Церковь. Это особый язык, который способен передавать самые возвышенные чувства и для понимания которого не требуется особой подготовки, – достаточно лишь иметь душу и сердце, открытые для восприятия этих чувств. Язык музыки дает людям возможность общаться на той глубине, где слова уже не нужны.

Музыка – одна из форм проповеди и миссии. Я пользуюсь ею как средством передачи Евангельского благовестия. Донести до людей образ живого Христа – вот главная задача, которую я ставил перед собой, когда писал «Страсти по Матфею».

– Вопрос о Петербурге, нашей северной Александрии. Что значит этот город для

христианской церкви? Что значит он для европейской цивилизации?

– Петербург был задуман Петром Великим как европейская столица. Известно, что в ту эпоху – почти как и сейчас, – все русское считалось отсталым, не соответствующим духу времени и стандартам Просвещения. В этом отношении новая столица империи в начале XVIII столетия являла собой разрыв с русской стариной, с византийским наследием Древней Руси. Архитектура Санкт-Петербурга, в том числе и церковная, стремилась подражать лучшим европейским, сначала английским, голландским и немецким образцам, а затем французским и итальянским. Это была попытка европеизации Православия с целью отойти от Византии и от ее доминирующего наследия в восточном христианстве. Петр Великий и его сподвижники, по-видимому, надеялись таким образом создать новое самобытное русское Православие. Сегодня очевидно, что эта попытка удалась лишь отчасти, так как чуждые нашей культуре образцы «итальянщины» в церковной архитектуре и музыке хотя и продержались в течение трех веков, но в наше время все более подвергаются критическому осмыслению. Повсеместно теперь строятся храмы в древнерусском стиле и совсем уж редко – только если того требует окружающий архитектурный ансамбль – в стиле европейского классицизма. Это означает, дерзну предположить, полное окончание «петербургского периода» в русской истории.

С другой стороны, Санкт-Петербург остается нашей любимой северной столицей. На мой взгляд, это один из самых красивых городов мира. И он продолжает служить мостом между Россией и Западом. В Петербурге для нас оживают образы Достоевского и Пушкина. Мне кажется, что слова Пушкина из «Медного всадника» про «окно в Европу» можно понимать не только в географическом, но и в культурном смысле. Таким окном для России стал Петербург.

– Этот номер «Янтарного моста» выходит в середине марта, то есть к Прощеному воскресенью, которое в 2013 году приходится на 17 марта по новому стилю. Его будут читать во всех странах Балтийского региона. Каково напутственное слово Вашего Высокопреосвященства читателям «Янтарного моста»?

– Прощение – одно из основ бытия, которым человек должен жить ежедневно, исходя из своей веры во Всепрощающего Бога. Но в результате произошедшей в последние полтора столетия «гуманизации» добродетель прощения была лишена религиозного наполнения и была замкнута на межличностные отношения. Так произошла ее инструментализация в чисто практическом, утилитарном смысле. Параллельно изменилась и ее интерпретация: если раньше люди прощали друг друга исключительно «ради Бога», то есть бескорыстно, по заповеди любви, то теперь, исходя из «гуманистической» перспективы, человек может еще колебаться, в какой мере ему следует простить своего ближнего, и стоит ли вообще это делать. Я бы хотел пожелать читателям вашего журнала в преддверии Прощеного воскресенья мысленно вернуться к религиозному

смыслу прощения. Уверен, что христианское прощение «ради Бога» откроет нам гораздо более широкий горизонт в улучшении отношений со своими ближними – членами семей, родственного и дружеского круга, коллегами и соседями. И это станет решающим шагом на пути к Богу, познать Которого невозможно без прощения наших врагов и недоброжелателей, тех, кто нас оскорбил или обидел.

Желаю помощи Божией всем читателям журнала "Янтарный мост".

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/52939/>